
ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY

УДК 343.9

DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(4).277-288

МЕТОДОЛОГИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

М.П. Клеймёнов^{1,2}

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

² Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

01 июля 2022 г.

Дата принятия в печать –

05 октября 2022 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2022 г.

Ключевые слова

Методология, либеральная идеология, консервативная идеология, прогнозирование, уголовное законодательство, уголовное право, уголовная политика

Характеризуется методология уголовно-правового прогнозирования, основанная на выборе его идеологической основы, использования аксиологического и системного подходов, детерминационного анализа, экстраполяции, экспертных оценок, моделирования. Применение аппарата поискового прогнозирования показывает, что уголовно-правовая политика Российской Федерации до настоящего времени развивалась в русле либеральной идеологии и в обозримой перспективе она будет продолжена. Утверждается, что с позиций нормативного прогнозирования следует обеспечить переход к консервативной модели уголовной политики, которая должна будет ориентироваться на государственные и общественные, а не частные интересы.

METHODOLOGY OF CRIMINAL LAW FORECASTING

Mikhail P. Kleymenov^{1,2}

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

² Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

Article info

Received –

2022 July 01

Accepted –

2022 October 05

Available online –

2022 December 20

Keywords

Methodology, liberal ideology, conservative ideology, forecasting, criminal legislation, criminal law, criminal policy

The subject. Criminal law forecasting is a scientifically based analysis of the prospects for the development of criminal law in order to optimize criminal legislation and the practice of its application. Its subject includes: foreseeing the needs of society in the criminal law regulation of public relations, their criminalization and decriminalization; the dynamics of the development of criminal law relations in society, the development of a criminal law concept of combating socially dangerous phenomena for the foreseeable period; foreseeing the consequences of changes in criminal legislation; the presence of real prerequisites for its application; prognostic assessments of the effectiveness of criminal law norms in the process of law-making and law-realization activities; scenarios and models for the implementation of criminal law institutions and norms; technologies for combating criminality in the application of criminal law norms; prospects for the development of the science of criminal law itself, taking into account its scientific potential.

The purpose of the article is to establish the ideology and main trends in the development of criminal legislation and the practice of its application in post-Soviet Russia, to determine the methodology for the modernization of criminal policy in the new geopolitical conditions.

The methodology of research includes axiological and system approaches, determinative analysis, search and normative forecasting, extrapolation, expert assessments, modeling. The main results, scope of application. There are two diametrically opposed ideologies that are of fundamental importance for criminal law and criminal law forecasting: 1) liberal and 2) conservative. The criminal law policy of the Russian Federation has so far developed in line with liberal ideology. Its main goal is to modernize criminal legislation in terms of decriminalizing economic crimes and humanizing the treatment of white-collar criminals. Conservative criminal law policy is based on the methodology of normative forecasting, which is aimed at achieving the desired (for the state and society) results. This methodology is based on a systematic approach. From the standpoint of this approach, the object of criminal law forecasting is an organized system with an extremely complex structure consisting of three subsystems: managing, managed and criminal law norms. The content of each of these subsystems requires corrective action in order to achieve compliance with the traditional axiological scale and common sense. It is also necessary to solve the problem of coordinating criminal law and criminological legislation.

Conclusions. Criminal law forecasting allows us to formulate a number of theses that should be the basis for the concept of optimizing the criminal policy of the Russian Federation: (a) rejection of the liberal model of criminal law regulation of public relations, the transition to a conservative model, which should be dominated by state and public, not private interests; (b) recognition of organized economic and official crime as priority objects of criminal-legal influence; (c) coordination of criminal-legal and criminological legislation; (d) adoption of the Federal Law "On Combating Organized Crime".

1. Введение

Уголовно-правовое прогнозирование можно определить как научно обоснованный анализ перспектив развития уголовного права в целях оптимизации уголовного законодательства и практики его применения. Его предмет включает: предвидение потребностей общества в уголовно-правовом регулировании общественных отношений, их криминализации и декриминализации; динамика развития уголовно-правовых отношений в социуме, разработка уголовно-правовой концепции борьбы с общественно опасными явлениями на обозримый период; предвидение развития уголовного законодательства, его системы, составных частей (институтов), норм; последствия изменений уголовного законодательства (политические, экономические, криминалогические, уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные); наличие реальных предпосылок для применения уголовного закона; прогнозистические оценки эффективности уголовно-правовых норм в процессе правотворчества и правореализационной деятельности; практика уголовного преследования, назначения уголовного наказания, сценарии и модели реализации уголовно-правовых институтов и норм; технологии противодействия криминалитету применению уголовно-правовых норм; перспективы развития самой науки уголовного права с учетом ее научного потенциала.

Уголовно-правовое прогнозирование – важная функция уголовно-правовой науки и практики, кото-

рая не получает надлежащего воплощения. Совершенствование уголовно-правового регулирования общественных отношений требует осознанной актуализации прогностической функции. Это, в свою очередь, указывает на важность овладения методологией уголовно-правового прогнозирования его субъектами.

2. Методология

Прогнозирование представляет собой метод познания окружающего мира. Этот метод, как и любой другой, только тогда является надежным инструментом анализа реальной действительности, когда он опирается на идеи и взгляды, правильность которых подтверждается практикой. Византийскому богослову и философу св. Григорию Паламе (XIV в.) принадлежит афоризм «Всякое слово борется со словом, но кто опровергнет жизнь...». Практика выступает «решающим критерием истины, так как в конечном итоге именно материальная деятельность доказывает действенность мышления» [1, с. 178]. Реализуя аксиологический и системный подход, детерминационный анализ, прибегая к поисковому и нормативному прогнозированию в уголовно-правовой сфере, используя методы экстраполяции, экспертных оценок, моделирования, важно видеть и оценивать результаты правоприменительной деятельности.

3. Идеологическая основа прогнозирования

Существуют две диаметрально противоположные идеологии, имеющие для уголовного права и соответственно – уголовно-правового прогнозирования принципиальное значение: 1) либеральная и

2) консервативная. Эти наименования во многом условны, поэтому следует видеть их сущность. Первая идеология настаивает на недопустимости вмешательства государства в экономику, его принципиальной слабости. «Формальное равенство перед законом несовместимо с любыми действиями правительства, нацеленными на обеспечение материального равенства различных людей, и всякий политический курс, основанный на идее справедливого распределения, однозначно ведет к разрушению законности» [2, с. 916]. В основе такой идеологии – минимально ограниченные «права человека», ибо «традиционные нормы морали не удовлетворяют критериям рациональности», «человеческая природа такова, что люди гораздо легче приходят к согласию на основе негативной программы», «ограничения в материальной сфере непосредственно связаны с потерей духовной свободы» [3, с. 16].

Консервативная идеология, напротив, утверждает ведущую роль государства в любой сфере, в особенности – в экономической. Она основана на традиционных нравственных и моральных ценностях (духовности, правде, народосбережении, тотальной ответственности: государства перед обществом и гражданами и граждан перед государством) а в России – на ее историческом предназначении [4]. В уголовно-правовой политике это, в первую очередь означает безусловное следование государства и его институтов принципам справедливости и равенства перед законом.

Либеральная и консервативная идеологии несовместимы, поэтому попытки каким-то образом их соединить [5] на теоретическом уровне являют собой когнитивный диссонанс [6; 7], а на практике оборачиваются тотальной коррупцией государственного аппарата. Что и произошло в России, когда либерализм стал по факту государственной идеологией [8, с. 4–5]. Характерно, что коррупция признана угрозой национальной безопасности¹, а экономическая преступность стала бизнесом. При этом идеологическим рефреном следует запрет правоохрани-

тельным органам вмешиваться в деятельность экономических субъектов.

4. Тенденции развития уголовной политики

Уголовно-правовая политика Российской Федерации до настоящего времени развивалась в русле либеральной идеологии. Ее главной целью явилось модернизация уголовного законодательства в плане декриминализации экономических преступлений и гуманизация обращения с преступниками в «белых воротничках», которых еще в 1907 г. американский социолог Эдвард Росс называл «криминалоидами» (criminaloids) и утверждал: «В наши дни необходимо, прежде всего, обуздать злодеев, которые кажутся респектабельными, образцовыми и достойными доверия гражданами и которые на самом деле таятся в центре паутины, построенной на неформальных отношениях. Такой персонаж способен из своего офисного кресла опустошить тысячи карманов, отравить тысячи пациентов, возмутить тысячи душ и подвергнуть опасности тысячи жизней. Это широкомасштабные, крайне опасные преступники, на которых необходимо надеть наручники» [9, с. 9–10].

Теоретическое конструирование либеральной уголовно-правовой политики последовательно представлено в Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере 2010 г.², а также в Дорожной карте уголовной политики 2017 г.³ разработанных в недрах Высшей школы экономики (ВШЭ-НИУ). Что же касается практики ее осуществления, то она получила наиболее зримое воплощение в реформах уголовного законодательства 2003, 2011, 2018 гг. Рэперными точками этих реформ, являются упразднение такого вида наказания, как конфискация имущества (2003 г.)⁴, дополнение УК РФ новым институтом освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (2011 г.)⁵, дальнейшей гуманизацией ответственности экономических преступников (2018 г.)⁶. Обратимся, например, к ст. 76.1 Уголовного кодекса (далее – УК) РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с

¹ Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» // Российская газета. 2010. 15 апр.

² Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. 196 с.

³ Уголовная политика: дорожная карта. М.: Центр стратегических разработок, 2017. 73 с.

⁴ Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 16 дек.

⁵ Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 9 дек.

⁶ Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Фе-

возмещением ущерба», которая, по существу, позволяет откупиться от уголовной ответственности лицам, впервые совершившим преступление экономической направленности. Достаточно возместить ущерб и внести в федеральный ущерб денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба. В то же время такая возможность исключена для лиц, впервые осуждаемых по статье 158 «Кража», хотя это самое распространенное по статистике преступление и в основе его совершения находится, как правило, мотивация выживания, а не обогащения. Характерно, что в предыдущей редакции (2011 г.) ст. 76.1 называлась «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности» и преступник должен был перечислить в федеральный бюджет денежное возмещение в размере пятикратной суммы причиненного ущерба. Классовый характер этой уголовно-правовой нормы вполне очевиден, как и в целом уголовно-правовой политики, на что неоднократно обращалось внимание со стороны тех представителей отечественной юридической науки, которые дают объективные оценки [10–12].

Характерна, например, судьба ст. 188 УК РФ «Контрабанда», которая успешно применялась до тех пор, пока не была декриминализована в 2011 г. По этой статье в 2010 г. осуждено 1187 человек. Кто получил выгоду от этой декриминализации? Явно не государство, а сообщество уважаемых преступников, отменяющих общественную опасность определенных деяний в интересах собственной выгоды, но в ущерб национальной безопасности. Государство вынуждено было возвращать контрабанду в УК РФ по частям (ст. 200.1, 200.2, 226.1). По этим статьям осуждено в 2021 г. 122 человека. Достаточно сравнить приведенные цифры, чтобы понять тенденции развития либеральной уголовно-правовой политики в таможенной сфере. Убедительные факты об этом приводит Т.А. Диканова – самый авторитетный специалист в стране по борьбе с контрабандой [13].

Сообщество уважаемых преступников (криминалоидов) в полной мере обладает признаками преступного сообщества (организации). Однако примечание первое к ст. 210 УК РФ, пролоббированное институтом Уполномоченного по защите прав предпринимателей при Президенте Российской Федерации, накладывает запрет на признание такого сообщества преступным, потому что оно зарегистри-

дерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Российская газета. 2018. 29 дек.

ровано в качестве юридического лица. При этом полностью игнорируется факт перерождения легальных организационных структур в криминальные [14].

5. Поисковое уголовно-правовое прогнозирование

Таким образом, если использовать методологию поискового прогнозирования [15], то следует экстраполировать линию классового подхода в уголовной политике в обозримое будущее. Либеральная уголовно-правовая политика будет продолжена, поскольку слишком велика ее инерция, а лица, принимающие решения, не учитывают реалий изменившейся социально-политической и криминологической обстановки.

6. Нормативное уголовно-правовое прогнозирование

Консервативная уголовно-правовая политика строится на методологии нормативного прогнозирования, которое нацелена на достижение желаемого (для государства и общества) результатов [16]. Она основана прежде всего на системном подходе. Этот подход показал свою действенность как в процессе теоретического анализа (например, условий функционирования различных социально-экономических систем), так и в ходе конкретных научных разработок (в частности, при создании целевых программ, в том числе – по борьбе с преступностью). Возрастание роли системного подхода в последние годы обусловлено усложнением всех общественных процессов, необходимостью поиска адекватных форм для выражения сложных структур, зависимостей и отношений человеческой действительности, стремлением создать инструмент интегрального видения реальности. Это особенно актуально для получения прогностической информации, так как «значение системного синтеза прогностических знаний возрастает и социально, и политически, и методологически ибо сам этот синтез становится все более сложным, а выбор приоритетов развития – проблемой все более острой» [17, с. 279].

Системное описание объекта уголовно-правового прогнозирования в первую очередь предполагает его структурный анализ. Характеризуя в самом общем виде этот объект как деятельность людей и условия такой деятельности по созданию и применению уголовно-правовых норм, следует констатировать, что он представляет собой организованную систему с чрезвычайно сложной структурой, состоя-

щей из трех подсистем: управляющей, управляемой и уголовно-правовых норм⁷.

Управляющая подсистема включает в себя взаимодействующие органы (субъекты правового регулирования), разрабатывающие и применяющие уголовно-правовые нормы. К ее элементам относятся:

- а) законодательные органы;
- б) судебная система;
- б) правоохранительные органы;

ж) интеллектуальные центры (научно-исследовательские и учебные заведения, участвующие в подготовке информации для принятия решений в сфере уголовно-правовой политики);

г) иные государственные органы, общественные организации, ассоциации, занимающиеся реализацией уголовно-политических задач.

Существенный прогностический интерес представляет место, которое занимают определенные субъекты в законотворческом процессе. Здесь наблюдается динамика активизации законодательной инициативы в сфере уголовно-правового регулирования со стороны с Верховного Суда РФ и Следственного комитета РФ. Такие инициативы не оцениваются с точки зрения возможных негативных последствий и трудностей правоприменения. Иными словами, в этих инициативах уголовно-правовое прогнозирование не применяется. В качестве примера можно привести инициативу Верховного Суда РФ закрепить в законе понятие уголовного проступка. При этом совершенно не учитывается множество проблем, которые лишь частично освещены в критических публикациях [18; 19] и которых можно благополучно избежать, если проигнорировать эту инициативу. Прежде чем вносить осуществлять конкретное уголовно-правовое проектирование, нужно ответить на элементарный вопрос: а можно ли без него обойтись? Проблема уголовного проступка, на наш взгляд, носит надуманный характер, поскольку существует Кодекс об административных правонарушениях. В этой связи исключительно положительные оценки реализации законодательной инициативы Верховного Суда РФ вряд ли объективны [20].

Что же касается деятельности Следственного комитета РФ, то, по признанию ректора Академии этого ведомства: «Важное место в этой деятельности занимает необходимость устранения пробелов уголовно-правового регулирования в области эко-

номики, состояние и рост которой зависят во многом от регулятивного влияния, которое оказывает государство. По инициативе Следственного комитета Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен новыми статьями, позволяющими привлечь рейдеров к уголовной ответственности уже на начальных этапах захвата чужой собственности» [21, с. 4]. Между тем Следственный комитет правом законодательной инициативы не обладает. Его деятельность должна быть сосредоточена на проблемах правоприменения и закономерностях принятия уголовно-правовых решений [22]. Несмотря на существование определенных юридических правил принятия уголовно-правовых решений, которые опираются на законодательную основу, правоприменитель имеет довольно широкие полномочия в выборе той или иной альтернативы. Например, он может возбудить уголовное дело или отказать в его возбуждении, квалифицировать деяние как тяжкое, менее тяжкое или не представляющее большей общественной опасности. Это вполне естественно, когда речь идет о существенно различных ситуациях, но вызывает серьезную тревогу, когда диаметрально противоположные решения принимаются в сходных случаях или даже по одному и тому же поводу. Выявление систематических ошибок и проявлений тенденциозного подхода должно быть в центре внимания организаторов правоприменительной деятельности.

Профессиональный подход к уголовно-правовому прогнозированию могут обеспечить интеллектуальные центры (научно-исследовательские институты и кафедры уголовного права и криминологии университетов). Однако этому мешает ведомственный характер НИИ (университета Генеральной прокуратуры, МВД, ФСИН). Казалось бы ведущее место при организации криминолого-правовых прогностических исследований должен занимать Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, имеющий большую историю, связанную с криминологическими и уголовно-правовыми исследованиями (создан в 1925 г. как Государственный институт по изучению преступности и преступника, в 1933 г. переименован в Институт уголовной и исправительно-трудовой политики). В настоящее время имеет в своей структуре Центр уголовного, уголовно-процессуаль-

⁷ О системном подходе в сфере государственно-правовой надстройки см.: Основы применения кибернетики в пра-

воведении / под ред. Н.С. Полевого, Н.В. Витрука. М.: Юридическая литература, 1977. 272 с.

ного законодательства и судебной практики⁸, который вопросам прогнозирования уделяет мало внимания. Университетская наука в целом недостаточно авторитетна. Таким образом, наблюдается пробел с точки зрения научно-прогностического обеспечения уголовно-правового регулирования общественных отношений.

Управляемая подсистема состоит из людей, на которые распространяются требования уголовного закона. Получение прогностической информации об их поведении целесообразно группировать по отношению к следующим, условно выделенным категориям:

- а) сотрудники правоохранительных органов (исполнители);
- б) криминалитет;
- в) лица, попавшие в зону уголовно-правового воздействия;
- г) население, проживающее на данной территории («законопослушные» граждане).

Задачи уголовно-правового прогнозирования в отношении представителей названных социальных групп многочисленны. Это анализ динамики правосознания; изучение трансформации отношения к уголовному закону и практике его применения в процессе «перехода» конкретных лиц из одной группы в другую по нисходящей линии; изменение социально-правового статуса этих лиц и интенсивности уголовно-правового воздействия на них в процессе такого «перехода». Особый интерес вызывают первые две из указанных социальных групп.

Рядовые сотрудники правоохранительных органов часто вынуждены действовать в условиях мнимой определенности. С одной стороны, руководители могут давать такие устные указания, которые никогда не отдадут в письменном виде. С другой стороны, существует вероятность нарушить закон из соображений «служебной целесообразности». Как заявил в процессе интервьюирования сотрудник полиции: «Незаконные приказы и распоряжения в деятельности полиции довольно распространены. Выполнять таковые сотрудникам полиции зачастую попросту приходится, поскольку в противном случае они рискуют попасть в немилость к вышестоящему руководству, что в дальнейшем может привести к увольнению и даже привлечению (путем «подстав») к уголовной ответственности. Встречаются и такие

случаи, когда полицейские осознанно и с удовольствием выполняют незаконные приказы. По большей части, это происходит, когда есть возможность совместного (с руководителем, отдавшим приказ) незаконного заработка». Обобщая сказанное, можно констатировать, что рядовой сотрудник правоохранительных органов, принимая уголовно-правовое решение, постоянно рискует.

Следует подчеркнуть, что уголовно-правовое решение – это всегда выбор рискованной альтернативы (поскольку существует риск ошибиться). Риск и его субъективная оценка, которая, собственно говоря, и есть прогностическая основа процесса принятия решения. Характер принимаемого решения во многом зависит от способности к предвидению его неблагоприятных последствий со стороны субъекта правоприменительной деятельности. Даже когда субъект принимает решение после длительных раздумий, оценивая аргументы «за» и «против», сопоставляя возможные потери и предполагаемые выгоды, он часто не учитывает субъективную неожиданность нежелательных результатов (в этом, как известно, состоит психологическая особенность любой неприятности). Тем более неожиданный характер имеют те негативные реакции, которые, являясь следствием реализованного решения, вообще во внимание не принимались. Например, принимая заведомо неверное решение из корыстных побуждений, правоприменитель зачастую не дает себе отчета в том, что он создает ситуацию, которая, как правило, оборачивается против него (из субъекта управления он превращается в его объект). В этой связи усматривается интересный психологический аспект проблемы коррупции: характер и динамика зависимости правоприменителей от коррупционеров. Специальное изучение данного вопроса, несомненно, будет полезным с точки зрения получения прогностической информации для профилактических целей, поскольку она может быть реализована в процессе воспитания профессионального правосознания.

Что касается криминалитета (лиц, которые профессионально занимаются преступной деятельностью), то современная криминология выделяет три типичных группы, его образующих: лиц, относящихся к воровскому сообществу [23], представителей экономической [24] и служебной организованной преступности [25]. Сведения о них содержатся

⁸ Структура Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. URL: <https://izak.ru> (дата обращения: 30.06.2022).

на сайтах primecrime.ru, compromat.ru, compromat.group, но они не могут быть доказательствами и лишь указывают, что эффективное прогнозирование деятельности криминалитета возможно только на основе Big Data. С нашей точки зрения, ближе всего к решению этой задачи Федеральная служба безопасности Российской Федерации.

Относительно самостоятельное место в структуре объекта уголовно-правового прогнозирования занимает **подсистема уголовно-правовых норм**. Ее самостоятельность видна, когда эта подсистема накладывается на матрицу наиболее конфликтных общественных отношений. При этом становятся очевидны проблемы в законодательстве и излишняя регламентированность отдельных сторон социальной жизни. Вместе с тем уголовно-правовая подсистема тесно связана с иными компонентами рассматриваемой системы. «Так, единичная правовая норма, – пишет Д.А. Каримов, – или статья нормативно-правового акта, отделенная от целостной правовой системы, не в состоянии воздействовать на соответствующее общественное отношение. Лишь в единстве с иными правовыми средствами, входящими в состав данной правовой системы, достигается эффективное правовое регулирование этого отношения. Трудно себе представить правовое регулирование общественных отношений, включающее в себя правотворчество и правореализацию, без направляющей роли правосознания. И чем выше уровень правосознания правотворческих и правореализующих органов, тем эффективнее регулирование общественных отношений» [26, с. 211]. Это утверждение можно дополнить следующим выводом: чем ниже уровень правосознания лиц – объектов уголовно-правового воздействия, тем сложнее решать задачи такого регулирования. Но в любом случае их решение серьезно затруднено без использования прогностической информации.

С одной стороны, можно констатировать избыточность уголовно-правового регулирования некоторых общественных отношений в современной России. Это касается, в частности, сферы спорта: ст. 184 «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса», ст. 230.1 «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте», ст. 230.2 УК РФ «Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» не применялись и, можно с полной уверенностью прогнозиро-

вать, применяться не будут. Следовательно, уголовно-правовое регулирование общественных отношений в сфере спорта заведомо неэффективно. С другой стороны, новая геополитическая ситуация продиктовала дополнение УК РФ новыми статьями – ст. 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» 207.2 «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия», 207.3 «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации», 280.3 «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности». Следует предположить, что эта тенденция будет продолжена и в обозримом будущем в УК РФ появится статья об уголовной ответственности за вредительство.

Важной задачей, которая решается на основе методологии нормативного уголовно-правового прогнозирования является согласование уголовного и криминологического законодательства, например, диспозиций норм об уголовной ответственности за терроризм и положений Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». В этом плане следует иметь в виду не только обратную связь между уголовным и криминологическим законодательством, но и прямую. Так, активизация применения ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в криминальной иерархии» сигнализирует о необходимости принятия Федерального закона «О противодействии организованной преступности».

В методологии нормативного уголовно-правового прогнозирования важно опираться на принцип целесообразности [27, с. 9]. Что же касается целевой детерминации развития – она является специфическим, присущим только человеку и обществу, высшим видом причинной детерминации [28, с. 23].

Эта мысль в контексте рассматриваемой проблемы требует пояснений. Во-первых, она означает, что уголовно-правовое прогнозирование зависит от целей развития общества, которые в свою очередь упорядочены по отношению к глобальной целеустремленности. Это обстоятельство особенно актуально сейчас, когда стратегия движения нашего общества обретает новые ориентиры. Следовательно, чтобы предвидеть структуру целей уголовной поли-

тики, необходимо представлять (и достаточно отчетливо) обозримые перспективы развития общества в определенных направлениях.

Во-вторых, уголовно-правовое прогнозирование сталкивается с трудностью моделирования целей подсистем объекта научного анализа. Чтобы убедиться в сложности такой задачи, достаточно представить себе степень различия официальных и реальных целей только такой управляющей подсистемы, как «правоохранительные органы». В данной организационной структуре, объединенной общностью целей, много и противоречий, несогласованности действий, ведомственной устремленности. «Сложившиеся структуры управления, если их не адаптировать к реальной действительности и перспективе, все в большей степени будут ориентированы на решение других ведомственных проблем, оставаясь совершенно нечувствительными к общим, комплексным. Более того, их бюрократический аппарат будет оказывать упорное сопротивление любым попыткам отреагировать на новые задачи, оставаясь при этом заваленным массой неотложных дел и задач, обосновывая их целесообразность и необходимость» [29, с. 37].

В-третьих, звенья управления состоят из людей с их заботами, ценностными ориентациями и жизненными целями. Учесть их и прогнозировать чрезвычайно сложно, но и не принимать в расчет нельзя: слишком значительно порой их влияние на принятие уголовно-правовых решений.

В-четвертых, целеустремленность характеризует и управляемую подсистему объекта уголовно-правового прогнозирования. Криминологические исследования мотивации преступного поведения, да и в целом изучение отношения личности к закону [30] показывают, сколь широк диапазон тех поведенческих целей, которые представляют уголовно-правовой интерес. Эти цели нередко противоречат официально признанным ценностям; поэтому конкретный объект уголовно-правового прогнозирования часто выступает в виде целеустремленной системы, стороны которой находятся в противоборстве [31, с. 191–199].

Наконец, в-пятых, целесообразность развития означает его разумность, практическую полезность [32, с. 713]. Критерий разумности придает философско-гуманистическую направленность развитию, ибо нормальный (здоровый) организм (человек, организация, общество) живет осмысленно, стараясь не причинять вреда себе, окружающим людям, природной и социальной среде и пр. В этом – залог его

жизнеутверждения, самосовершенствования, созидания и прогресса.

Конечно, создавая себе «экологическую нишу», и человек, и общество подчас вынуждены нарушать этот важнейший жизненный принцип («не навреди»), но это происходит (точнее, должно происходить) в экстремальных ситуациях выживания. Обращаясь к уголовно-правовой терминологии, такие ситуации можно охарактеризовать как «крайнюю необходимость» и «необходимую оборону». Во всяком случае попытки «суицидального поведения» (на индивидуальном и социальном уровне) противоречат принципу целесообразности-разумности. В настоящее время все более активные позиции занимает воинствующий технократизм, гуманистическое направление в человеческой деятельности утрачивает свое значение, оттесняется на периферию. Оценка развития событий с позиций разумности оживляет «мертвую» схему системно-структурного анализа, она вводит в эту схему человеческий фактор с присущей ему шкалой ценностей, здравым смыслом.

Идея разумности, здравого смысла незаменима, и в методологии нормативного уголовно-правового прогнозирования. Она является той связующей нитью, которая соединяет наследуемые факты, тем «ключом», который помогает найти верное объяснение развитию событий, тем алгоритмом, который дает возможность разработать правильное решение и новую структуру целей деятельности но борьба с преступностью.

Следует высказать глубокое убеждение, что только разумный подход к данной проблеме (как впрочем и к любой другой) способен обеспечить конструктивный изменения, добиться прогресса в совершенствовании общественных отношений.

Разумность представляет собой своего рода интеллектуальный момент целесообразности. Наряду с ним можно выделить эмоционально-волевой и нравственный аспекты.

Эмоционально-волевая сторона раскрывается в содержании веры в будущее. Современные исследования показывают, что, не обращаясь к феномену веры, невозможно дать научное объяснение целеполаганию, как творческому процессу, внести ясность в вопрос об эмоциональной притягательности того или иного «проекта будущего». «Целетворение, постановка идеальных проектов преобразования себя и мира, – пишет Б.С. Братусь, – подразумевает наряду с волей еще одно важное условие. Это условие – вера человека в возможность, правильность,

осуществимость этих идеально представленных целей и проектов» [33, с. 35].

7. Нравственная сторона уголовно-правового прогнозирования

Конечно, осуществление уголовно-правовых прогнозов немислимо без веры в справедливость, законность, торжество правосудия, гуманизм. «Идеализируя» эти понятия, вера способствует возвышению устремленности общества в будущее, одухотворению его жизненные ориентиров. Думается, что по отношению к обществу верны слова, сказанные в адрес человека: «Человек без веры, ни во что не верящий – это человек без будущего, без нравственных перспектив и опор в жизни, не способный к преодолению и преобразованию себя и действительности, человек причинно обусловленного, но отнюдь не целесоиздающего действия» [33, с. 36].

Что же касается нравственной стороны целесообразности, то она наиболее зримо воплощена в проблеме выбора между добром и злом, которую приходится решать в процессе научного предвидения. Это имеет самое непосредственное отношение к уголовно-правовому прогнозированию, поскольку преступление само по себе – этическая категория: оно характеризует очень высокую степень аморальности [34, с. 131]. Моральный выбор осуществляется во время признания проступка преступлением, при определении строгости наказания за то или иное де-

яние, в ходе правоприменения – когда усиливается или ослабляется уголовно-правовая борьба с определенными посягательствами. Поскольку все это проектируется, планируется заранее, предварительно, то налицо – нравственная сторона уголовно-правового прогнозирования. Ясно, какое большее значение имеет в жизни та совокупность представлений о добре и зле, которой придерживаются субъекты такого предвидения: и законодатель, и правоприменитель.

8. Заключение

Уголовно-правовое прогнозирование позволяет сформулировать ряд тезисов, которые должны быть положены в основу концепции оптимизации уголовной политики Российской Федерации:

1. Отказ от либеральной модели уголовно-правового регулирования общественных отношений, переход к консервативной модели, во главе угла которой должны находиться государственные и общественные, а не частные интересы.

2. Признание организованной экономической и должностной преступности приоритетными объектами уголовно-правового воздействия.

3. Согласование уголовно-правового криминологического законодательства.

4. Принятие Федерального закона «О противодействии организованной преступности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лакис П. П. Методологические и логические аспекты прогнозирования / П. П. Лакис. – Рига : Знание, 1985. – 216 с.
2. Хайек Ф. фон. Дорога к рабству / Ф. фон Хайек // Правовая мысль: антология / сост. В. П. Малахов. – М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. – С. 913–918.
3. Хайек Ф. фон. Право, законодательство и свобода / Ф. фон Хайек. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 642 с.
4. Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма / С. Н. Бабурин ; отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2012. – 832 с.
5. Дембицкий А. А. Общая характеристика правовых и неправовых функций государства / А. А. Дембицкий // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 3. – С. 19–26.
6. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер. – М. : Экономика, 1995. – 540 с.
7. Бутаков А. В. Размышляя с Й. Шумпетером о социализме, государстве, государственной собственности, государственном регулировании / А. В. Бутаков // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2021. – Т. 18, № 2. – С. 5–14. – DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(2).5-14.
8. Добренъков В. И. Консерватизм – национальная идеология России / В. И. Добренъков // Вестник Московского университета. Серия 18 «Социология и политология». – 2011. – № 2. – С. 3–53.
9. Ross E. A. Sin and Society: An Analysis of Later-Day Iniquity / E. A. Ross. – Boston: Houghton Mifflin, 1907. – 167 p.
10. Головкин Л. В. Два альтернативных направления уголовной политики по делам об экономических и финансовых преступлениях: Crime Control и Doing Business / Л. В. Головкин // Закон. – 2015. – № 8. – С. 32–45.

11. Сычев П. Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности / П. Г. Сычев. – М. : Моск. ун-т МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2020. – 336 с.
12. Орешкин М. И. К вопросу о либерализации уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности / М. И. Орешкин, М. А. Сутурин // Уголовная юстиция. – 2019. – № 13. – С. 48–51.
13. Диканова Т. А. О состоянии организованной преступности в таможенной сфере / Т. А. Диканова, Т. Ю. Изгагина // Таможенное дело. – 2021. – № 1. – С. 29–35.
14. Скобликов П. А. Смягчение ответственности за организованную преступную деятельность в экономической сфере: предпосылки, изменения законодательства и возможные последствия / П. А. Скобликов // Мировой судья. – 2020. – № 6. – С. 3–10.
15. Бестужев-Лада И.В. Проблемы социального прогнозирования / И. В. Бестужев-Лада. – М. : АНХ, 1978. – 200 с.
16. Бестужев-Лада И. В. Нормативное социальное прогнозирование: возможные пути реализации целей общества. Опыт систематизации / И. В. Бестужев-Лада. – М. : ИСИ АН СССР, 1987. – 212 с.
17. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса / В. П. Кузьмин. – М. : Политиздат, 1982. – 312 с.
18. Ткачев И. О. Законодательная инициатива Верховного Суда Российской Федерации об уголовном проступке: критический взгляд / И. О. Ткачев // Российский юридический журнал. – 2018. – № 6. – С. 108–116.
19. Капинус О. С. Законодательные инициативы о регламентации в Уголовном кодексе РФ уголовного проступка: критический анализ / О. С. Капинус // Российская юстиция. – 2021. – № 3. – С. 25–29.
20. Удодова М. А. Законодательная инициатива Верховного Суда Российской Федерации как средство совершенствования законодательства / М. А. Удодова // Администратор суда. – 2018. – № 2. – С. 39–43.
21. Багмет А. М. Противодействие преступлениям в сфере экономики как одно из приоритетных направлений деятельности Следственного комитета Российской Федерации / А. М. Багмет // Российский следователь. – 2015. – № 20. – С. 3–5.
22. Жалинский А. Э. Методика принятия уголовно-правовых решений должностными органами внутренних дел / А. Э. Жалинский, П. Е. Кондратов, В. А. Петров. – М. : Акад. управления МВД СССР, 1990. – 99 с.
23. Разинкин В. С. «Воры в законе» и преступные кланы / В. С. Разинкин. – М. : Криминол. ассоц., 1995. – 104 с.
24. Овчинский В. С. Информационное воздействие и организованная преступность / В. С. Овчинский. – М. : Инфра-М, 2007. – 176 с.
25. Клейменов М. П. Феномен служебной организованной преступности / М. П. Клейменов, И. М. Клейменов, А. И. Кондин // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 4 (49). – С. 184–189.
26. Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований / Д. А. Керимов. – М. : Мысль, 1986. – 330 с.
27. Гайденко П. П. Проблема рациональности на исходе XX века / П. П. Гайденко // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 3–14.
28. Чинакова Л. И. Социальный детерминизм. Проблемы движущих сил развития общества / Л. И. Чинакова. – М. : Политиздат, 1985. – 159 с.
29. Горелова В. М. Основы прогнозирования систем / В. М. Горелова, Е. Н. Мельникова. – М. : Высшая школа, 1986. – 236 с.
30. Криминальная мотивация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1986. – 302 с.
31. Акофф Р. О целеустремленных системах / Р. Акофф, Ф. Эмери. – М. : Советское радио, 1974. – 272 с.
32. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1988. – 750 с.
33. Братусь Б. С. Аномалии личности / Б. С. Братусь. – М. : Мысль, 1988. – 301 с.
34. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность / Н. Ф. Кузнецова. – М. : Изд-во МГУ, 1969. – 232 с.

REFERENCES

1. Lakis P.P. *Methodological and logical aspects of forecasting*. Riga, Znanie Publ., 1985. 216 p. (In Russ.).
2. Hayek F. von. *The Road to Slavery*, in: Malakhov V.P. (ed.). *Legal thought, Anthology*, Moscow, Akademicheskii proekt Publ., Yekaterinburg, Delovaya kniga Publ., 2003, pp. 913–918. (In Russ.).

3. Hayek F. von. *Law, legislation and freedom*. Moscow, IRISEN, 2006. 642 p. (In Russ.).
4. Baburin S.N. *The return of Russian conservatism*, ed. by O.A. Platonov. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2012. 832 p. (In Russ.).
5. Dembitsky A.A. General characteristics of legal and non-legal functions of the state. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 3, pp. 19–26. (In Russ.).
6. Schumpeter J. *Capitalism, socialism and democracy*. Moscow, Ekonomika Publ., 1995. 540 p. (In Russ.).
7. Butakov A.V. Reflecting with Joseph Schumpeter about/on Socialism, the State, the State Property, the State Regulation... *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2021, vol. 18, no. 2, pp. 5-14. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(2).5-14. (In Russ.).
8. Dobrenkov V.I. Conservatism – the national ideology of Russia. *Bulletin of the Moscow University. Series 18 "Sociology and Political Science"*, 2011, no. 2, pp. 3–53. (In Russ.).
9. Ross E.A. *Sin and Society: An Analysis of Later-Day Iniquity*. Boston, Houghton Mifflin Publ., 1907. 167 p.
10. Golovko L.V. Two alternative directions of criminal policy in cases of economic and financial crimes: Crime Control and Doing Business. *Law*, 2015, no. 8, pp. 32–45. (In Russ.).
11. Sychev P.G. *Criminal proceedings on crimes in the sphere of economic and entrepreneurial activity*. Moscow, V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2020. 336 p. (In Russ.).
12. Oreshkin M.I., Suturin M.A. On the issue of liberalization of criminal responsibility for crimes in the sphere of economic activity. *Criminal justice*, 2019, no. 13, pp. 48–51. (In Russ.).
13. Dikanova T.A., Izgagina T.Yu. On the state of organized crime in the customs sphere. *Customs business*, 2021, no. 1, pp. 29–35. (In Russ.).
14. Skoblikov P.A. Mitigation of responsibility for organized criminal activity in the economic sphere: prerequisites, changes in legislation and possible consequences. *Justice of the Peace*, 2020, no. 6, pp. 3–10. (In Russ.).
15. Bestuzhev-Lada I.V. *Problems of social forecasting*. Moscow, ANKh Publ., 1978. 200 p. (In Russ.).
16. Bestuzhev-Lada I.V. *Normative social forecasting: possible ways to implement the goals of society. The experience of systematization*. Moscow, ISI of the USSR Academy of Sciences, 1987. 212 p. (In Russ.).
17. Kuzmin V.P. *The principle of consistency in the theory and methodology of K. Marx*. Moscow, Politizdat Publ., 1982. 312 p. (In Russ.).
18. Tkachev I.O. Legislative initiative of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal misconduct: a critical view. *Russian Law Journal*, 2018, no. 6, pp. 108–116. (In Russ.).
19. Kapinus O.S. Legislative initiatives on the regulation of criminal misconduct in the Criminal Code of the Russian Federation: a critical analysis. *Russian Justice*, 2021, no. 3, pp. 25–29. (In Russ.).
20. Udodova M.A. Legislative initiative of the Supreme Court of the Russian Federation as a means of improving legislation. *Court Administrator*, 2018, no. 2, pp. 39–43. (In Russ.).
21. Bagmet A.M. Countering crimes in the economic sphere as one of the priority areas of the Investigative Committee of the Russian Federation. *A Russian investigator*, 2015, no. 20, pp. 3–5. (In Russ.).
22. Zhalinsky A.E., Kondratov P.E., Petrov V.A. *Methods of making criminal law decisions by officials of internal affairs bodies*. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1990. 99 p. (In Russ.).
23. Razinkin V.S. *"Thieves in law" and criminal clans*. Moscow, Criminological Association Publ., 1995. 104 p. (In Russ.).
24. Ovchinsky V.S. *Informational impact and organized crime*. Moscow, Infra-M Publ., 2007. 176 p. (In Russ.).
25. Kleimenov M.P., Kleimenov I.M., Kondin A.I. The phenomenon of official organized crime. *Bulletin of Omsk University. Series "Law"*, 2016, no. 4 (49), pp. 184–189. (In Russ.).
26. Kerimov D.A. *Philosophical foundations of political and legal research*. Moscow, Mysl' Publ., 1986. 330 p. (In Russ.).
27. Gaidenko P.P. The problem of rationality at the end of the XX century. *Questions of filosofia*, 1991, no. 6, pp. 3–14. (In Russ.).
28. Chinakova L.I. *Social determinism. Problems of the driving forces of the development of society*. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 159 p. (In Russ.).

29. Gorelova V.M., Melnikova E.N. *Fundamentals of forecasting systems*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986. 236 p. (In Russ.).
30. Kudryavtsev V.N. (ed.). *Criminal motivation*. Moscow, Nauka Publ., 1986. 302 p. (In Russ.).
31. Akoff R., Emery F. *About purposeful systems*. Moscow, Sovetskoe radio Publ., 1974. 272 p. (In Russ.).
32. Ozhegov S.I. *Dictionary of the Russian language*. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1988. 750 p. (In Russ.).
33. Bratus B.S. *Personality anomalies*. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 301 p. (In Russ.).
34. Kuznetsova N.F. *Crime and criminality*. Moscow, Moscow State University Publ., 1969. 232 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Клеймёнов Михаил Петрович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации; ¹ заведующий кафедрой уголовного права и криминологии; ² профессор кафедры уголовного права и национальной безопасности

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

² Новосибирский государственный университет экономики и управления

¹ 644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а

² 630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56
E-mail: klim798@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6942-7059

SPIN-код РИНЦ: 4431-6452; AuthorID: 596245

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Mikhail P. Kleymenov – Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation; ¹ Head, Department of Criminal Law and Criminology; ² Professor, Department of Criminal Law and National Security

¹ Dostoevsky Omsk State University

² Novosibirsk State University of Economics and Management

¹ 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

² 56, Kamenskaya ul., Novosibirsk, 630099, Russia

E-mail: klim798@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6942-7059

RSCI SPIN-code: 4431-6452; AuthorID: 596245

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Клеймёнов М.П. Методология уголовно-правового прогнозирования / М.П. Клеймёнов // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 277–288. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).277-288.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kleymenov M.P. Methodology of criminal law forecasting. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 277–288. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).277-288. (In Russ.).